

Ольга Зверева

ТАМ,
ГДЕ КРУЖАТ АСПИДЫ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
3-43

Зверева, О.

3-43 Там, где кружат аспиды / О. Зверева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 316 с.

ISBN 978-5-517-12482-1

Юная богиня Лёля не знает иных забот, кроме игр, веселья и ежедневных молитв Роду о живущих на Древе мироздания, пока окровавленный платок не заставляет её покинуть безопасную Правь. В компании друзей она уходит в мир людей и нечисти. Она ищет того, кого однажды потеряла. Но из рискованного путешествия вернуться не все.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12482-1

© Зверева О., 2024
© Т8 Издательские технологии, 2025

❧ ГЛАВА 1 ❧

*«Я слышал песни о войне
И сказки о любви,
Где мир горел, горел в огне,
А потонул в крови.*

*Там пелось также, что земля
Родит нам новый хлеб,
Что снова реки и поля
Заблещут по земле.*

*Только нам непременно нужно верить,
Не нужно врать себе и лицемерить.
Ночь всего темнее
Пред рассветом».¹*

На тёмно-синем небе не было ничего, кроме ярких стекляшек звёзд. Красивое зрелище. Но Лёля разучилась ценить его красоту. Когда живёшь под этим небом столько, сколько себя помнишь, начинаешь воспринимать его как самую привычную действительность. Хотя, казалось, ну сколько ей? Всего восемнадцать. Разве же это возраст!

Скользнув по синей пелене над головой кратким взглядом, Лёля продолжила бег. Она бежала меж толстых стволов

¹ Павел Кашин. «Новый хлеб».

сероватых деревьев с зеркальной листвой, мимо изящных лоз, плетущихся по жёсткой коре блестящей проволокой. То с одной стороны, то с другой слышался смех, мелькали счастливые лица Лёлиных подруг. Девушки мчались наперегонки по густой траве, аукаясь и задорно перекликаясь на ходу.

— Эй, Лёля, догоняй! Замечталась али поддаться нам сегодня решила? Ух, Прасковья тебя обойдёт! — звонко расхохоталась пробегающая мимо прелестница с выющимися волосами до пояса, в платье длинном, светлом, подолом достающем почти до нехоженной травы.

Вняв поддразниванию подружки, Лёля прибавила шаг и теперь мчалась, касаясь земли лишь самыми мысочками. Вот бы ей ещё и крылья, как братцу Перуну, метателю молний! Ух, она бы тогда каждую слишком уж быструю зубоскалку обошла! А то ещё и молнией добавила бы, чтобы над ней, дочерью господина здешнего, не смеялись!

Впрочем, устыдившись собственных мыслей, Лёля остановилась. Она загляделась на белые фигурки в длинных платьях, что по одной исчезали вдаль среди деревьев маменькиного сада. Весёлые, смешливые, ни одного бога без улыбки и ласкового взгляда не оставят. Лёля знала, что девицы-подруги, парни-прислужники в главных палатах, даже старая нянюшка, чьё лицо покрывала морщинистая паутина, а глаза сияли под светом звёзд как у отроковицы — все они родились людьми в нижнем мире, в Яви. В награду за благочестие и доброту открыл им Род после смерти путь к Прави, заповедал служить живущим здесь богам. Богам, сотворённым Родом из высших душ, обитающих с ним над самыми дальними звёздами.

Раздалось мягкое мурлыканье, и из-за ствола дерева появилась пушистая белая кошка с серебряными пятнами. Каждое круглое пятнышко на белой шёрстке блестело как монетка и переливалось на свету, пока зверёк вальяжно потягивался. Не первый раз Лёля кошку эту встречала, они были давними

знакомыми. Приходила кошка к её порогу частенько, ласку выпрашивала или пирожка кусочек, а Лёля и не отказывала. Она присела на колени и потянулась к кошачьему ушку. Кошка благодарно заурчала и зажмурилась, разомлев. От нечего делать Лёля снова посмотрела на небо.

Когда-то и она была там, с Родом, летала в пустоте, как рассказывала матушка. А затем воля Создателя увлекла её к Праву. Взял Род Великий душу её в кулачок, дыхнул — и появилась новая богиня, чтобы на людские молитвы отвечать. Хотя и верила Лёля рассказам этим, да не всё понять могла. Она понимала, почему людям так любы её батюшка бог-силач Сварог, матушка Лада — семейного очага хранительница, молодые да весёлые братья Лёль и Полёль. Но зачем кому-то возносить молитвы Чернобогу — властителю Нави, царства, где смертные обретают последний приют? Или Мокоши — ткачихе людских судеб, обрывающей нити жизней по своей прихоти? А старику Велесу, что души человеческие в Навь пустынную на лодке своей перевозит по реке, воды которой самого чёрного цвета чернее? Ух, жутко стало, стоило лишь подумать о них.

Она рассеянно провела рукой по шелковистой шерсти, мягкой и будто бы слегка прохладной под пальцами. Приятное ощущение. Лёля медленно поглаживала кошку вдоль спины, размышляя о загадочной Нави. Если подумать, и её собственная жизнь однажды оборваться может. Бывало такое, и не раз, чтобы боги бессмертные гибли. Велика сила Мокоши! Уйдёт душа бога умершего снова к Роду и будет с ним беседы вести да мудрости набираться, пока тысяча лет в Яви не пройдёт. Интересно, многое ли видно оттуда, с небес? Не скучно ли там, в синеве этой бездонной?

Эх, пусть последняя прибежит сегодня, Род с ними, с догонялками этими. Не впервой ей подружек обходить, не впервой и в проигравших оставаться. Посидит она лучше здесь, комочек мурчащий обнимая, а догонялок было в её жизни — не счесть. В Праву тянулись дни плавно, неспешно, словно

поток, бегущий у корней Царь-Древа; говорят, это вершина самого Древа Мироздания, где в кроне растут волшебные растения, отражающие звёздный свет, где, не зная усталости и горя, живут верховные боги, где живёт и Лёля в высоком тереме со своей семьёй и душами верных ей помощников — почивших людей, нет-нет, да и вспоминающих о жизни в далёкой Яви.

Ох, как же любила Лёля слушать такие рассказы от старой нянюшки! Ещё в сарафане детском ходила, а уже под песни земные засыпала, голосом тягучим, как патока, убаюканная. Под песни про то, что неведомо, но узнать жуть как хочется. Про то, как вкусна вода холодная в жаркий день. Про то, как пахнет яблоневый цвет да цветок, акацией называемый. Про то, что самая тёмная ночь бывает пред часом рассветным. И про то, как сердце ланью трепещет, когда взглядом с любимым встречаешься. Последнее маленькая Лёля не понимала, а теперь подросла, да забыть не смогла: больно уж красиво сравнение с ланью слух ласкало, и сладкое что-то было в самих этих словах, будто мёд на устах... Но никому Лёля про мысли свои не сказывала — боялась засмеют.

Лишь однажды доверилась Лёля в своей наивности Роду Великому — попросила послать ей сердце, ланью трепещущее, да только мать услышала и пристыдила. Негоже, мол, самого Рода по такой ерунде беспокоить. Не для того создана, чтобы мысли глупые в голову пустую вбирать. Честь Лёле великая выпала, ей одной только дозволено склонять колени у Царь-Древа и повторять заученный с молодых лет обряд — просить мудрости для Прави, мира для Яви, спокойствия для тех, кто ушёл в Навь. Ну что за несправедливость — молить о милости для всех живущих, а о себе и словечка не замолвить?!

А как батюшка горд, что дочь его меньшая — Берегиня, заступница за род людской и род божеский! Не верила Лёля, что она особенная, что есть до неё дело Роду Великому, однако ради батюшкиной похвалы да матушкиного одобрения склоняла голову под огромным дубом, ветвями, казалось, достающим

до самого неба, ради отца и матери шевелила губами, бормотала бесконечные молитвы, а в мыслях же забавы новые сочиняла и лоскутки подбирала куклам тряпичным на одёжку. Но хоть играть ей разрешали, а то совсем не жизнь, а тоска.

Подруги на ступенях терема встретили Лёлю весёлым улюлюканьем:

— Последняя, последняя! — дразнились они, с шутливыми улыбками подбирая подолы длинных платьев, чтобы освободить Лёле место в центре. — Так и будешь в девках сидеть, всех женихов те, кто пошустрее, расхватают!

— Да больно нужны мне ваши женихи, — насупилась Лёля, присаживаясь на ступеньку лестницы из светлого дерева. — Вот выйду замуж и буду, как сестрица Жива, постоянно на сносях. А коли не на сносях, так с детьми малыми нянчиться. Кто же веселиться с вами станет, Нянюшка?

— Так на то Жива и богиня плодородия, — возразила сидящая рядом девушка с румяными щеками и вздёрнутым носиком, Благослава. В Яви Благослава вытащила младшего братишку из полыхающей избы, но сама угорела. Не дожив и до шестнадцати годов, своей самоотверженностью Благослава заслужила право стать одной из ближайших Лёлиных подружек. — А ты дурная такая, тебе Род детишек не подарит, пожалует бедненьких. Сама ещё дитя!

— Ой, чего это я дурная? — Лёля лениво отмахнулась от единогласного смеха подруг. — Неужто мне следует ходить нос повесив, словно лешахихе какой? Я хочу песни петь да хороводы водить. А батюшка вместо этого колени у Царь-Древа протирать заставляет! Почему Лёль и Полёль развлекаются, на дудочках играют весь день, а мне чуть только побегала, повеселилась — и снова молиться?

— Сколько ж ты веселиться будешь, егоза? Тебе уж восемнадцать лет стукнуло, совсем девка взрослая, — прозвучал позади скрипучий, но благожелательный голос. Нянюшка

с большой плетеной чашей в руках осторожно спускалась по ступеням, задев по пути Лёлю широкой юбкой, подчёркивающей хрупкость её старческой фигурки. Маленькая была Нянюшка, сухонькая, будто статуэтка из сердцевины дерева вырезанная. — А братья твои не развлекаются. Они музыкой своей души людей соединяют. Взгрустнётся кому в одиночестве, и вдруг он будто мелодию флейты услышит, встрепенётся, потянет его сердечко куда-то, а там уже и судьба поджидает. А ты всё дудочки, дудочки... — Няня провела ладонью по волосам Благославы, тут же расплывшейся в довольной улыбке. — Проголодались, небось, набегавшись, красавицы мои?

На нижней ступени лестницы Нянюшка сняла с глубокой чашки белое полотенце, и густой запах свежееиспечённой сдобы наполнил воздух. Лёля сглотнула, с наслаждением втягивая сладкий аромат. От удовольствия она даже глаза прикрыла на секунду, как кошка, которую давеча в саду гладила. Бедная Нянюшка считала, что не заслужила место в Правии, не сделала ничего особенного, разве что по совести жила, но Лёле казалось, Род вознёс её в Правь за заслуги в готовке. Воздушным сахарным булочкам старенькой няни суждено было стать кушаньем богов, а не кануть в забвение Нави.

— А помните, девоньки, как за Лёленьку нашу Кощей сватался? — Нянюшка обходила стайку девушек, начав с Лёли, как со своей любимицы, и каждая с нетерпением ждала очереди запустить руку в вожделенную чашу.

— Не надо, Нянюшка, не начинай даже! — с набитым ртом взмолилась Лёля совершенно искренне. Не было в рассказе этом для неё ничего нового, лишь пугающие воспоминания. — Спой лучше что-нибудь! Или загадки позагадывай!

— А я бы послушала про Кощея, — нерешительно высказалась с верхней ступени Плеяна, самая пригожая из Лёлиных подруг. — Любопытно ведь, я тогда ещё в услужении у тебя не была.

Она озиралась в поисках поддержки, и вот уже другие девушки закивали головами в знак согласия.

Обречённо выдохнув, Лёля тоже кивнула, хоть и нехотя. Знала она, что рада будет Плеяна про сватовство её, пусть и неудачное, послушать да жизнь свою земную вспомнить.

Всех своих подруг Лёля любила, а о смерти Плеяны думала чаще всего. Красавица скончалась от болезни накануне назначенного дня свадьбы. Души она не чаяла в своём женихе, а когда того накрыла лихорадка, упросила Ладу Великую перевести его болезнь на себя. Лада, мать Лёли, противиться не стала, спасла парня, но взамен забрала душу юной невесты в Правь, даровав ей вечную жизнь и вечную молодость. Мокошь не обманешь, от смерти не убежишь, как в детских догонялках, своё она возьмёт, коли нить жизни уже перерезана.

— А как так вышло, что Лёля упустила своего суженого? — с любопытством поинтересовалась одна из девушек. — Иль увидел её да сам сбежал?

— Да кто сбежал бы от ягодки такой? Нет, несчастный Кощей разум из-за неё потерял. — Нянюшка придержала край тёмной узорчатой юбки, присаживаясь на высокую лавочку, которую девушки привыкли оставлять свободной для неё. Она поставила пустую чашку рядом, аккуратно сложила туда полотенце, а затем продолжила: — Да и сам он видом хорош был...

— Хорош?! — перебила Лёля, от возмущения поперхнувшись воздухом. Она резко присела, хотя до этого вольготно откинулась на колени Благославы, устроившейся ступенькой выше. — Выглянула я тогда из окошка, посмотрела на него. Хоть и за занавеской пряталась, а всё видела. Тощий, глазюки цвета невиданного омутом сверкают, волосы чёрные по спине лежат, точно змеи! И злым чем-то от него веет! Я даже из своей светлицы почувствовала: плохой он, Кощей, страшный, — с вызовом закончила она.

— Так может потому и страшный, что одиноко ему. Тоскует у себя в Нави, поди, из компании одни воины павшие, что после смерти покой не обрели, — пожала плечами старая няня. — Ну да не суть. Заявился, значит, к нам в один

день Кощей, нарядный, причёсанный так, что волосья блестя аки листья с энтого дерева. — Старушка кивнула в стороны ивы, зеркальными листиками тянущейся к ближайшему пруду. — И сразу к Сварогу-батюшке на порог. Говорит, отдайте Лёлю за меня. Жизнь за неё положу, ни в чём горя знать не будет, да и к сестре поближе.

Вторая сестра Лёли, средняя дочь Сварога, Морена, уже давно жила в Нави. Лёля сестру почти не помнила, знала лишь, что батюшка выдал её за верховного бога Нави — Чернобога. О причинах такого брака Лёля всегда думала как о договорных — ну кому нужны междоусобицы между царством богов и царством умерших? Наверное, поэтому отец её за Кощя и не отдал. Не настолько знатен был жених её залётный, да и жертва добрым отношениям между Правью и Навью была уже принесена.

— И что дальше, Нянюшка, не томи, — сжала кулачки в терпении Плеяна.

— А дальше словно Перун-громовержец из Яви вернулся, — улыбнулась Нянюшка Лёле. Лёля улыбнулась в ответ этой нежной улыбке и морщинкам вокруг карих глаз. — Сварог наш батюшка только что молот свой кузнечный в горезенишка не кинул. Уж так злился, так злился... Кричал, что ноги его дочери в Нави не будет, что долг её Роду молиться, а не во тьме прятаться, что юна она ещё и неопытна, а Кощей не тот, кому в Прави рады. Заступился за тебя отец, Лёленька, не отдал супостату тёмному.

— Ну а Кощей что? — Плеяна, заморожённая историей, подалась вперёд.

Да и глазки остальных девушек сверкали так, словно за ними жених явился, а не за младшей дочерью властителя Прави.

Лёля, смутившись, перевела взгляд на круги, бегущие по водной глади там, где её касались острые кончики листьев ивы. Конец она и так знала: Кощей ушёл, зарёкшись, что обязательно получит своё, да только Сварог-батюшка запечатал